

УДК 81'373

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОСТАВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ И ПРОБЛЕМА ИХ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ

Ф.А.Ганиев, доктор филологических наук, член-корр. АН РТ

В 60-х годах XX века большинство алтаистов считало, что в алтайских языках имеется категория совершенного и несовершенного видов. Защищались диссертации, публиковались книги и писались статьи, в которых утверждалось, что в тюркских языках имеется данная грамматическая категория. В Алма-Ате даже прошла Всесоюзная конференция (1958) по данной проблеме. В ее резолюции подчеркивалась необходимость исследования категории вида в тюркских языках.

Как известно, видные тюркологи В.А.Боровков, К.Н.Дмитриев полагали, что в тюркских языках имеет место категория совершенного и несовершенного видов как и в русском языке. Большинство специалистов вслед за ними писали диссертации и публиковали труды о том, что в тюркских языках имеется грамматическая категория вида и он в основном выражается составными глаголами (А.А. Юлдашев, Р.И. Терегулова, К.З. Ахмеров – башкирский язык; Г.Ш. Шарипов – узбекский язык; И.Е. Маманов – казахский язык; М.К. Уюкбаев – казахский язык; Д. Бердыев – туркменский язык и др.).

То же самое происходило в монголоведении. Так, Г.Д.Санжеев в «Грамматике бурятского языка» (1962) пишет, что наряду с синтетическими в бурятском языке имеет место аналитическое выражение видовых значений посредством сочетания формы соединительного деепричастия от основы знаменатель-

ного глагола с основами некоторых служебных или вспомогательных глаголов, например *ябажба бай* «ходить». По мнению автора, эти образования являются формами глагола, а не первичными новыми самостоятельными глаголами. Видовые основы лишены словообразовательной способности. Однако во втором томе «Сравнительной грамматики монгольских языков» Г.Д. Санжеев пишет, что такой составной глагол членим на значительную и служебную части, или компоненты (*кудалдук аба* «покупать», *очиджу ирэ* «сходить», *унчииджу баай* «читать»). Как видно, автор уже несколько иначе трактует составной глагол.

М.Т. Онджанова в своей кандидатской диссертации (1962) рассматривает составные глаголы калмыцкого языка лишь как аналитические формы, выражающие грамматическое значение.

Монголовед Т.А. Бертагаев, касаясь таких образований, отмечает: «Так как эти сращенные сочетания обладают всеми признаками глаголов и ничем по существу от них не отличаются ..., то их следует рассматривать как особую группу глагольных сочетаний и именовать их глагольными идиомами» (Бертагаев. К исследованию лексики монгольских языков. 1961, с. 95).

Фактически всеми исследователями бурятского языка единодушно признано, что в бурятском языке существует морфологически выраженная категория вида (Шагдарова Д.А. АДД. Лексико-

фразеологическая система бурятского языка: сопоставительный аспект (на материале переводов и двуязычных словарей). Улан-Уде, 2007, с. 18).

По мнению Д.А.Шагдаровой, составные глаголы, состоящие из преверба и вспомогательного глагола: *мулта татаха* «выдернуть» (букв. выдерь-вынуть), *шуу татаха* «разорвать» (букв. разорв-тянуть), *хаха сахихо* «расколоть» (букв. расколь-бить) (там же, с. 20) напоминают суффиксальные глаголы.

Такой подход существовал довольно долго как в тюркологии, так и в монголоведении.

В настоящее время считается практически уже общепринятым, что категория совершенного и несовершенного видов отсутствует в тюркских и монгольских языках. Те лингвисты, которые алтайским языкам приписывали категорию совершенного и несовершенного видов, основным средством ее выражения считали сочетание (комбинацию) деепричастных форм основного глагола с вспомогательными глаголами. В действительности же эти комбинации представляют собой один из видов сложных глаголов – составные глаголы и не являются средством выражения видов.

Составные глаголы в одних языках отсутствуют (например, в немецком), в других (например, в японском и языке хинди) очень распространены.

Интересно отметить, что в тех языках, где наличествуют приставки, как правило, имеется категория совершенного и несовершенного вида. В языках, где значение (семантика) основного глагола модифицируется вспомогательными глаголами, стоящими за основным глаголом, как нам известно, указанная грамматическая категория не наблюдается.

Вспомогательные глаголы, которые модифицируют значение основного глагола, некоторые тюркологи совершенно правильно называют модифицирующими глаголами.

Индолог А.П.Баранников, например, пишет, что этот тип сложных глаголов представляет оригинальное явление хинди, широко распространенное в языке. Сложные глаголы этого типа составляют не менее половины всех глаголов, являющихся в любом тексте, в любом проявлении в речи. Сущность образования этого типа сложных глаголов состоит в следующем: основа любого глагола соединяется с формами одного из немногих глаголов, употребляющихся в качестве вторых элементов сложных глаголов, которые называются образующими глаголами. Значение произведенного таким путем сложного глагола равно значению первого глагола ... определенным образом, модифицированному и уточненному значением второго, «образующего глагола» (А.П.Баранников. Хиндустани (грамматика) Л., 1993, с. 106).

Видный специалист по японскому языку А.А.Пашковский в статье «Классификация японских сложных слов» отмечает, что «сложение основ столь же широко используется при образовании глаголов». Об этом сообщают прежде всего словари (как видно, в японском языке их включают в словари), где рядом с простым глаголом, например, *каку* «писать» имеются многочисленные образования:

какидасу «начинать писать» – *язабашлау*;

какиреру «выписывать» – *язып алу*;

какисозру «приписать» – *язып кую*;

какимуцу «переписать» – *күчереп язу*;

какимоосу «написать снова» – *яңадан язу*;

какимуку «выписать» – *күчереп алу*;

какимотосу «пропустить при письме» – *язганда төшереп калдыру*;

какитигаэру «неправильно писать» – *ялгыш язу* и др. (Японский лингвистический сборник. – М., 1959, с. 36).

Точно такое же явление наблюдается в тюркских языках.

Татарский язык: *укып чыгарга* «прочитать», *каушан төшәргә* «растеряться», *язып куярга* «записать» и т.д.; башкирский язык: *язып куйыу* «записать», *язып бөтәү* «дописать», *килешеп тороу* «подходить, быть к лицу»; турецкий язык: *şaşırıp kalmak* «растеряться», *uzanıp gitmek* «простираться»; чувашский язык: *вуласа тух* «прочитать», *сырси хур* «записать», *саватса кай* «уводить», *саватса шух* «выводить»; алтайский язык: *алып келди* «принес – взяв, принес» и т.д. Можно привести примеры и из монгольских языков: *авч парх* «вынести – взяв, выйти», *чирж парх* «вытаскивать», *наадат парх* «начать играть» (калмыцкий язык); *бешеже аваха* «записать», *ниидэже гараха* «пролететь» (монгольский язык) и т.д.

Определенную трудность представляет определение составных глаголов, то есть установление их отличия от сложных единиц: от свободных глагольных словосочетаний и модальных сочетаний.

Во-первых, как известно, в свободных глагольных словосочетаниях деепричастие выражает обстоятельство, а следующий за ним глагол – основное действие. В этом случае деепричастие может являться обстоятельством образа действия, состояния, причины, примыкающий к ним глагол другим каким-нибудь членом предложения, чаще в личной форме – сказуемым: *Бу хатны ничек башларга белмичә озак аптырап утырдык.* (Г.Бәширов).

Следует отметить, что в сочетании член предложения образа действия и сказуемое могут разделяться третьим словом без ущерба для значения и цельности предложения: *Бу хатны ничек язарга белмичә, бер-беребезгә карашып, бик озак аптырап утырдык.*

Во-вторых, деепричастие и следующий за ним глагол выражают последовательное или параллельное действие: *Ул жылтерәп кенә чыгып, сыерын ябып, юынып керде* (Г.Бәширов). В выше-

приведенном примере конструкция «деепричастие и глагол в личной форме» выражает последовательное действие. По виду напоминает составной глагол, но им она не является, ибо между ними можно поставить самостоятельное слово, что противоречит лексемности конструкции в татарском языке: *Ул жылтерәп кенә чыгып, сыерын ябып, юынып, чоланның ишеген бикләп керде.*

В то же время необходимо отличать составные глаголы от сложных форм глаголов, от сложных временных и модальных форм. Так, временные формы *барган иде, бара иде, барачак иде* и т.п. не представляют собой новых лексических единиц. Модальные формы также не являются лексическими единицами (*бара ала, килә ала, яза ала* и т.п.).

Принципу сложных слов в тюркских языках, в том числе в татарском языке, отвечают составные глаголы, которые характеризуются цельюоформленностью (Смирницкий А.И. К вопросу о слове / Труды Института языкознания АН СССР. – Т. 4, 5. – 1954, с.4).

Составные глаголы обладают несколькими признаками, совокупность которых и дает сложное слово.

Во-первых, в предложении они выражают одно единое значение: *Мин бу китапны укып чыктым* «Я прочитал эту книгу». В данном предложении составной глагол *укып чыктым*, как и русский приставочный глагол *прочитал*, выражает одну единую семантику. Значение некоторых составных глаголов в татарском языке может представлять простую сумму значений компонентов. Как пишет О.С.Ахманова: «В отличие, например, от фразеологических сращений, сложные слова могут быть совсем неидиоматичными: их значение может совпадать с совокупностью значений частей их построения» (Ахманова О.С. К вопросу об отличии слов от фразеологических единиц. – Труды Института языкознания АН СССР, т.IV, М., 1954, с.51).

Значение некоторых составных глаголов также может представлять простую сумму их значений: *язып бетердем* «дописал», *ашап бетердем* «съел». Но значение большинства составных глаголов является идиоматичным, т.е. значение их не может быть выведено прямо из значений составляющих компонентов, например, *укуп чыгарга* «прочитать», *каушый төшәргә* «растеряться», *карап алырга* «взглянуть».

Во-вторых, в предложении они выступают как единый один член предложения. В данном предложении составной глагол *укуп чыктым* является сказуемым.

В-третьих, в составных глаголах невозможно обнаружить синтаксические взаимоотношения между компонентами, как это имеет место между свободными глагольными словосочетаниями. Например, в составном глаголе *укуп чыктым* не наблюдается никаких синтаксических связей, то есть какой-нибудь, например, подчинительной связи. В свободном глагольном словосочетании, например, *аптырап утырдык*, имеется связь образа действия *аптырап* со сказуемым *утырдык* «сидели».

В-четвертых, компоненты составных глаголов характеризуются наличием взаимообусловленности и взаимопроникновения, поскольку второй компонент в составных глаголах уточняет значение основного глагола и относится только к нему, без чего этот компонент не может существовать, не нарушив цельности предложения. Например, в предложении *Мин бу китапны укуп чыктым* компонент *чыктым* не может существовать самостоятельно. Так, например, нельзя говорить без ущерба значению *бу китапны чыктым*. Это обстоятельство связано наличием взаимообусловленности и взаимопроникновения между компонентами составных глаголов, чего не обнаруживается в свободных глагольных словосочетаниях, хотя и схожих по форме с составными глаголами.

Поскольку в свободных словосочетаниях глагол в личной форме (второй глагол сочетания) является членом предложения и соотносится с другими членами предложения, относится не только к деепричастию, но и ко всему предложению, он может существовать в предложении самостоятельно, без деепричастия. Это объясняется тем, что между деепричастием и следующим за ним глаголом не имеется взаимообусловленности и взаимопроникновения, как в составных глаголах. Например, в предложении *Бу хатны ничек башларга белмичә бик озак аптырап утырдык* (Г.Бәширов) «долго сидели мы, растерявшись, не зная как начать это письмо» деепричастие свободного глагольного сочетания можно опустить – *Бу хатны ничек башларга белмичә бик озак утырдык*. Как видно, цельность предложения не нарушается, что невозможно при составных глаголах.

В-пятых, составные глаголы имеют единое ударение, их компоненты цементируются общим главным ударением на последнем слоге первой части глагола: *уку'п чыгарга* 'прочитать', *кауша'п төшәргә* 'растеряться'. На этот признак сложных слов обратил внимание исследователь Г.Шараф, который писал: «Действительно, слова, подчиненные общему ударению, в тюркских языках по ряду признаков являются как бы едиными словами. В частности, слова, подчиненные единому ударению, не допускают изменения порядка их взаимного расположения без совершенной потери или сильного изменения смысла сочетания» (Шараф Г. Сонорная длительность татарских гласных. – Вестник научного общества татароведения. – Казань, 1928. – С. 252).

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно сказать следующее. Составные глаголы, как лексические единицы языка, характеризуются следующими признаками: 1) выражают одно единое значение; 2) выступают как

один член предложения; 3) компоненты составных глаголов не могут выступать отдельно, то есть располагаться дистантно; 4) между компонентами составных глаголов нельзя ставить третье знаменательное слово без ущерба для значения. Между ними могут включаться лишь усилительные или ограничительные частицы; 5) компоненты составных глаголов характеризуются взаимообусловленностью и взаимопроникновением; 6) общим единым ударением. Все это говорит о том, что они в тюркских языках являются самостоятельными сложными словами, то есть лексическими единицами. В настоящее время составные глаголы во многих тюркских языках будто бы признаны самостоятельными лексическими единицами. Но не сделаны еще до конца практические выводы. Составные глаголы, как самостоятельные слова тюркских языков, все еще не занимают свое достойное место ни в толковых, ни в тюрко-русских словарях. Это является досадным упущением тюркских словарей. Как указывалось выше, в одних языках значение основного глагола модифицируется приставками (русский, немецкий и др. языки), в других вспомогательными (модифицирующими) глаголами (алтайские языки, японский язык и язык хинди), но от этого они не перестают быть самостоятельными лексическими единицами.

В тюркских и также в монгольских языках их количество по самым скромным подсчетам доходит до нескольких тысяч слов. По причине того, что они не включаются в словари, лексика тюркских языков выглядит не особенно бо-

гатой, однако на деле это совсем не так. Во многих тюркских языках слабо разработана теория сложных слов, в том числе теория составных глаголов, в то время в лексике глаголов тюркских языков составных глаголов в несколько раз больше, чем простых.

Чем же объяснить то, что хотя в настоящее время в тюркологии возникло понимание составных глаголов как лексических единиц, их не включают в словари.

Во-первых, нам кажется, что над тюркологами довлеет авторитет корифеев ученых-тюркологов, которые указанные конструкции рассматривали как формы категории совершенного и несовершенного видов, исключали их лексемность. Современные ученые-тюркологи никак не могут выйти из этого заколдованного круга. Во-вторых, дело в том, что составные глаголы очень тонкое явление в тюркских языках, без тщательного вдумчивого изучения их можно принять за аналитические модальные формы, за свободные глагольные сочетания. Но в тюркологии имеются отдельные примеры, когда уже появляются словари, в которые включаются составные глаголы (Однотомный «Толковый словарь татарского языка». Казань, 2005. – 143 печ.л.). Перед тюркологией стоит проблема многоаспектного исследования составных глаголов многих тюркских языков, определить их различия от схожих им конструкций и на этой основе начинать их включать в словари. Нам представляется, что настало время для такой насущной работы.

Литература

1. Ганиев Ф.А. Видовая характеристика глаголов татарского языка. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1963. – 180 с.
2. Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание. – Казань, 1953. – С. 170.
3. Баскаков А. Грамматика уйгурского языка. – Л., 1935. – С. 176.
4. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М. – Л., 1948. – С. 196.
5. Терезулова Р.К., Ахмеров К.З. Сравнительная грамматика русского и башкирского языков. – Уфа, 1953. – С. 124.

6. Юлдашев А.А. Категория глагольного вида в башкирском языке / Вопросы грамматического строя. – М., 1955. – С. 378.
7. Шарипов Г.Ш. Категория глагольного вида в узбекском литературном языке. АКД, М., 1945.
8. Маманов И.Е. Вспомогательные глаголы в казахском языке, АКД, Л., 1947.
9. Уюкбаев М.К. Категория глагольного вида в современном казахском языке. АКД, Алма-Ата, 1954.
10. Бердыев Д. Категория глагольного вида в современном туркменском языке. АКД, Ашхабад, 1960.
11. Санжеев Г.Д. Грамматика бурятского языка. – М., 1962.
12. Бертагаев Т.А. К исследованию лексики монгольских языков, 1961. – С. 95.
13. Шагдарова Д.А. Лексико-грамматическая система бурятского языка: сопоставительный аспект (на материале переводов и двуязычных словарей). АДД. Улан-Уде, 2007. – С. 18.
14. Баранников А.П. Хиндустани (грамматика). – Л., 1934. – С.106.
15. Пашковский А.А. Классификация японских сложных слов / Японский лингвистический сборник. – М., 1959. – С. 36.
16. Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектологии: акциональность. АДД. – М., 1948.

Summary

Until recently many turcologists have not recognized composite verbs as lexical units of the language. At present linguistic nature of these verbs is being studied wider and deeper and there have been established criteria for distinguishing them as complex lexical units. Nevertheless, they are not yet included in Turkic dictionaries.

Composite verbs of similar type also exist in Japanese (A.A.Peshkovskiy) and in Hindi (A.P. Barannikov). These units are studied within grammars of these languages and included in their dictionaries. By their structure and meaning Turkic composite verbs do not differ in any way from those of the abovementioned languages. They constitute a very rich part of the Turkic lexicon and have already been included in some dictionaries, more specifically, Explanatory Dictionary of Tatar. We believe, it's high time they were included in dictionaries of other Turkic languages as well.